

УДК 81

*Г. С. Пшегусова,
Д. Н. Иванова*

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с языковыми вопросами сегодня; изучается опыт различных стран в разные исторические эпохи, намечаются возможные пути решения этих проблем в будущем. В статье показано, что в настоящее время появляется серия работ, призывающих обратить особое внимание на роль субъективных факторов в формировании и реализации языковой политики. Сторонники этого подхода пытаются проникнуть в суть проблемы на уровне прагматических значений – целей, мотивов, установок. Такой способ концептуализации действительности определяет его онтологический и гносеологический статус в категориях смыслов и ценностей.

Ключевые слова: языковая политика, мультикультуризм, билингвизм, основной и второстепенный языки, ассимиляция.

*Galina. S. Pshegusova,
Dinara. N. Ivanova*

**LANGUAGE POLICY IN
MULTICULTURAL REGION:
RETROSPECTIVE ANALYSIS**

The paper considers the issues connected with the language policy and its decisions in different regions and different historical periods. At the turn of the third millennium there appeared new approaches in solving the problems of language policy, e. g. ecolinguistics. The article shows that currently there is a series of works, calling special attention to the role of subjective factors in the formation and implementation of the language policy. Proponents of this approach try to grasp the essence of the problem at the level of pragmatic – values the goals, motivations, attitudes. This way of conceptualizing reality determines its ontological and epistemological status in terms of meanings and values.

Key words: language policy, multiculturalism, bilinguals, major and minor languages, assimilation.

Пшегусова Галина Султановна

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой английского языка
ка гуманитарных факультетов ЮФУ
(г. Ростов-на-Дону)
e-mail: psheg@sfedu.ru

Pshegusova Galina S.

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of English department of
humanitarian faculties, Southern Federal
University (Rostov-on-Don)
e-mail: psheg@sfedu.ru

Иванова Динара Нургалиевна

кандидат социологических наук, доцент
кафедры английского языка гуманитар-
ных факультетов ЮФУ (г. Ростов-на-
Дону)
e-mail: e-kafedra@yandex.ru

Ivanova Dinara N.

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of English humanities
faculties, Southern Federal University
(Rostov-on-Don)
e-mail: e-kafedra@yandex.ru

© Пшегусова Г. С., 2014

© Иванова Д. Н., 2014

© Pshegusova G. S., 2014

© Ivanova D. N., 2014

Существование обширного поликультурного пространства в наши дни – это объективная реальность. Языковая палитра современного мира насчитывает более 5000 языков. Социальные, политические, экономические и культурные неоднородности мира преломляются в социальном статусе языков. Такое положение нередко вызывает лингвистическое напряжение в социуме, и «за кадром» могут оставаться истинные причины этого напряжения, поскольку языковой фактор никогда не выступает изолированно. Он всегда действует наряду с другими факторами: политическими, этническими, экономическими, культурными, социальными и т. д.

Основная цель данной работы – представить варианты решения языкового вопроса в разных регионах и различные исторические периоды. Такой краткий исторический анализ проблемы может предоставить существенную информацию для корректировки языковой политики в современном мультикультурном пространстве.

В то же время многие люди, которые владеют только одним языком, могут за всю жизнь ни разу не столкнуться с ситуацией, когда собеседник их не понимает. Такие люди просто не в состоянии оценить объективно серьезность национально-языковых проблем и часто просто не догадываются об их существовании. Тем не менее, билингвизм – достаточно широко распространенное явление. По мнению многих специалистов, именно двуязычие является нормой, а одноязычие можно признать, скорее, фикцией, учитывая тот факт, что один человек, как правило, владеет разными вариантами одного языка.

Для того чтобы понять роль языка в жизни общества, необходимо изучить данную проблему с разных ракурсов. Проблемы языка и общества, при всей своей значимости, недоступны для однотипных решений. Также мы не можем не признать тот факт, что в основе научных поисков, посвященных проблемам языковой политики, лежит чаще всего желание осуществить те или иные

общественные перемены, как правило, на региональном, национальном и даже наднациональном уровнях, которые находятся вовсе не в плоскости языка. Языковая политика, являясь неотъемлемой частью политики национальной, неизменно находится в центре внимания специалистов в нашей стране и за рубежом.

Трудно сделать правильные умозаключения и принять разумные решения в конкретном региональном контексте без тщательного анализа отечественного и зарубежного опыта. В своей работе мы исходим из того, что непродуктивно также игнорировать социолингвистические исследования советского периода. Необходимо учитывать деятельность западных специалистов в области языковой политики и национальных отношений. Безусловно, мы не претендуем на всесторонний анализ проблемы, а лишь постараемся выявить закономерности этого крайне актуального процесса.

Надо полагать, что языковая политика в обществе в той или иной форме существовала всегда. Одной из наиболее распространенных форм ее реализации было навязывание языка победителей покоренным народам. Например, в Римской империи существовал особый закон, согласно которому все постановления наместников, просьбы и обращения в суд и сенат в покоренных землях должны были составляться на латинском языке. Частные лица и целые области получали гражданство при условии полной языковой ассимиляции.

Изучение вопросов языковой политики и планирования, а также сложнейшего комплекса проблем, актуальных для данного поля исследования, находится в центре внимания ученых уже не одно столетие.

Мы согласны с В. М. Алпатовым, который считает что «процесс смены языка никогда не бывает полностью добровольным. Всегда как переход от одноязычия к двуязычию, так последующий переход от двуязычия к одноязычию на ранее чужом языке так или иначе вынужден» [1, с. 24]. Понятно, что не всегда давление оказывается чисто административными мерами, может иметь место также экономическое, политическое и культурное принуждение. Очевидно, что прохождение абсолютно всех стадий совершенно не обязательно, и каждый из описанных выше процессов может длиться веками.

Государственная политика в отношении миноритарных языков может быть различной: от принудительной ассимиляции до культурной автономии. Однако, как показывает исторический опыт, государство обычно стремится к интеграции, что в языковом поле достигается через удовлетворение потребности взаимопонимания и поддержку мажоритарного языка. Особенно жесткой такая политика оказывается во времена, когда внутри государства начинают складываться единый рынок, единая система образования, единая административная система и т. д.

Эти факторы обуславливают развитие социальной мобильности независимо от этнической принадлежности и языка. Внутри каждого государства неизбежно встает вопрос о едином государственном языке, реже о нескольких государственных языках. Одновременно с внедрением этого языка происходит

его нормализация, и уже кодифицированный вариант начинает выполнять те или иные функции. Как правило, государственным языком становится язык господствующего этноса.

В Западной Европе ассимиляторская политика в большинстве случаев была довольно жесткой. Например, подобная ситуация происходила во Франции, где французский язык получил юридический статус государственного во время Великой Французской революции. С 1794 по 1951 г. на территории Франции полностью запрещалось использовать языки меньшинств и диалекты. В тех же регионах, где многоязычие играло более значительную роль, складывались более гибкие типы языковой политики – от равноправия языков в Швейцарии до культурно-национальной автономии в Австро-Венгрии.

Для России того времени была характерна также жесткая ассимиляторская политика, которая совмещалась с многоязычием и развитым национальным самосознанием. Национальная интеллигенция народов России тех лет любила ссылаться на пример Швейцарии, где не было единого государственного языка, но на равных правах сосуществовали несколько государственных языков. Показательны высказывания известного лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, который говорил: «Ни один язык не считается государственным и обязательным для всех образованных граждан, но, по соображениям наименьшей траты времени, языком центральных государственных учреждений, языком общегосударственной думы должен быть язык преобладающей численно национальности, язык обоих государственных центров, Петербурга и Москвы, язык великорусский» [2, с. 12]. Далее, рассуждая о праве языков национальных меньшинств, он указывал: «Предоставление полной свободы в выборе языка является лучшим средством для того, чтобы устранить междуплеменную и международную вражду и привязать всех жителей к признающему принцип неограниченной терпимости государственному или областному целому» [2, с. 16].

Неудовлетворенность потребности идентичности стала серьезной проблемой в России к началу XX в. После Октябрьской революции встал вопрос о радикальной смене всей национальной политики, в том числе языковой, с целью удовлетворения идентичности. Речь шла об абсолютно новой форме языковой политики, не имеющей аналогов в мире. Было принято решение учитывать швейцарский пример при разработке языковой политики в первые годы советской власти, хотя речь не шла о копировании этого примера. Поиск такой политики был построен на научных принципах и основаниях. Разработка таких принципов и послужила толчком к развитию социолингвистических идей в молодом советском государстве. Хотя современный понятийный словарь не был на тот момент разработан, работы того так называемого периода «предсоциолингвистики» представляют и сегодня определенный интерес. Языковая ситуация в разных регионах СССР описывалась в трудах Е. Д. Поливанова, Н. Ф. Яковлева, Л. П. Якубинского, Л. И. Жиркова, Д. Б. Бубриха, Н. Н. Поппе, К. К. Юдахина и др.

Если суммировать взгляды этих ученых, то можно выделить ряд общих теоретических положений:

(1) Максимальное удовлетворение потребности идентичности. Так, Н. Ф. Яковлев даже указывал, на каких языках вводить все формы образования вплоть до высшего, где необходимо ограничиться только начальным, а где сразу стоит вводить обучение на языке более многочисленного этноса [3, с. 45–63].

(2) Разработка основных научных подходов в рамках идей марксизма. Как ни странно это звучит, но в то время еще было возможно существование разных методических школ и концепций в русле самых общих ориентиров, заданных марксизмом. Одной из наиболее популярных идей, рожденных в рамках марксистской идеологии, был тезис о классовости языка. Например, Е. Д. Поливанов писал: «Можно высказать даже такую точку зрения, которая будет определять язык среднего обывателя 1913 г. и, с другой стороны, язык современного комсомольца – не как два разных диалекта, а как два разных языка» [4, с. 167].

(3) Поиск активно преобразующего подхода к языку. Широко известна полемика, которую публично вел Л. П. Якубинский с Ф. де Соссюром. Так, последний утверждал: «Сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть» [5, с. 104]. Возражая ему, Л. П. Якубинский писал: «Если Соссюр прав, то невозможно организованное вмешательство общества в языковой процесс, организованное руководство этим процессом, невозможна языковая политика» [6, с. 731].

Спор Л. П. Якубинского с Ф. де Соссюром имеет продолжение, а тематика, по которой разгорелась полемика, относится к одной из вечных проблем в лингвистике. За более деятельностный подход в регулировании социолингвистических вопросов выступает и современный лингвист В. М. Алпатов. По его мнению, «лингвист» слагается:

– из реального строителя (и эксперта в строительстве) современного языка (и географии культур), для чего требуется изучение современной языковой действительности, самодовлеющий интерес к ней...;

– из языкового политика, владеющего (хоть в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего, опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «социальной инженерии» будущего);

– из «общего лингвиста», в частности лингвистического историолога...» [7, с. 251].

Мы же считаем, что истина находится, скорее, где-то посередине. Мы допускаем, что языковая деятельность в какой-то степени доступна для целенаправленного воздействия со стороны человека, но в целом язык живет и развивается по своим собственным законам, лишь отчасти устанавливаемым и контролируемым людьми. Пересмотр методологии социолингвистического исследования, который имеет место сегодня, направлен на преодоление противоположности субъективистского и объективистского направлений в научном теоретизировании.

Продолжая развивать ретроспективный взгляд на социолингвистические исследования в Советском Союзе, надо сказать, что 30-е – 40-е гг. ознаменовались общеизвестными изменениями в области проводимой Коммунистической партией национальной и языковой политики. Эти годы стали крайне неблагоприятными для развития социолингвистических идей, свободный научный поиск был заменен лозунгом о «расцвете языков под сталинским солнцем».

Рождение истинных социолингвистических исследований в том примерном виде, как известно сегодня, начинается в конце 50-х и в начале 60-х гг. Их было проведено немало и в нашей стране и за рубежом. Мы уже указывали, что на Западе практическая необходимость разработки таких идей была обусловлена, в первую очередь, геополитическими причинами, а именно как следствие обретения независимости бывшими колониальными государствами. Вопросы, на которые стремятся ответить специалисты в области геополитики, изучающие языковые проблемы, мы сформулировали в предыдущей нашей работе «Геополитический анализ языковой ситуации в полиэтническом регионе». Эти вопросы – что, где, когда и почему. «Геополитический анализ включает в себя изучение исторических процессов, которые способствовали развитию современных моделей контактов и взаимодействий между представителями различных этнокультур» [8, с. 66]. Так, распад колониальной системы можно считать и следствием, и в то же время мощным стимулом для появления национальных движений и соответственно национальных идеологий. Такие драматические и радикальные геополитические сдвиги требовали нового научного осмысления и выработки беспрецедентных практических решений на основе этого осмысления. В подтверждение этого интереса организуется целый ряд конференций, симпозиумов и публикаций по данным вопросам. Знаковыми работами по интересующей нас проблеме можно считать «Языковые проблемы развивающихся наций» группы авторов, впервые озвучившей свои идеи на конференции в Виржинии в 1966 г., и книгу Рубина «Можно ли планировать язык?», которая вышла в 1971 г. Последняя была посвящена изучению вопросов языковой политики в конкретных странах: в Израиле, Индии, Индонезии и Швеции.

Немного позже появилась публикация «Процессы языкового планирования» Рубина и ряда других авторов. Эти работы стали классикой социолингвистической мысли и, несмотря на свои плюсы и минусы, заслуживают, безусловно, высокой оценки.

Следует отметить также несколько работ западных ученых того же периода, специально посвященных анализу языковой ситуации и языковой политики в СССР. Для нас эти научные труды представляют несомненный практический интерес. Хотелось бы отметить публикации Орнстайна (1959), Бэйкона (1966), Беннигсэна (1967), Комри (1981), Льюиса (1982) и др. Как правило, авторы этих работ игнорировали разнообразные процессы, имевшие место в рамках проводимой советским государством языковой политики, и сводили их к русификации. Любые отклонения от намеченного и проводимого Комму-

нистической партией курса жесткой русификации оценивались лишь как тактические ходы. Некоторые авторы, правда, в своих исследованиях противопоставляли языковую политику 20-х – 30-х гг. более позднему курсу, реализуемому под руководством И. В. Сталина. Однако общим недостатком западных работ, посвященных изучению вопросов языковой политики в СССР, можно считать ограниченность фактического материала, что легко объясняется закрытостью нашей страны в то время и известной склонностью к искажению и фальсификации статистических данных. Однако, несмотря на приверженность априорным схемам, эти работы содержат любопытный теоретический и практический материал.

К середине 80-х гг. растет степень неудовлетворенности научным поиском в области социологических проблем. Смена идеологии и общественных умонастроений после 1985 г. привела ученых к эпистемологической неуверенности, поставив много новых вопросов, на которые нельзя было дать ответы, применяя старые подходы. Основное внимание ученых конца XX в. привлек тот факт, что система языка через свой способ концептуализации действительности представляет определенные точки зрения или интересы, определяя тем самым и значительное воздействие на всякого, использующего язык.

Мы признаем данное направление научного поиска актуальным для нашей темы и согласны с В. М. Алпатовым, который справедливо заметил, что, «пожалуй, нигде человеческое сознание столь не мифологизировано, как в области национально-языковых проблем. Часто мы видим, как образованный человек, вполне разумно рассуждающий по всем прочим вопросам, начинает с пеной у рта «доказывать» явно абсурдные положения, как только речь заходит об истории его народа или ситуации с его родным языком. Такие тенденции многократно усиливаются в переломные моменты вроде нынешнего, когда воскресают, казалось бы, давно забытые мифы» [1, с. 24].

Исследования М. Фуко, К. Леви-Стросса, П. Рикера и других позволили раскрыть роль языка как орудия власти или средства навязывания взглядов. Так, Гидденс пишет: «Сегодня слово остается ядром современности и ее глобальных сетей, являясь незаменимым средством административной и социальной координации» [9, с. 161]. Авторы, исследующие язык как орудие власти, средство управления и манипулирования общественным мнением, отмечают, что идеологемы, существующие в конкретном языке, становятся такими лишь потому, что способствуют в конкретных условиях поддержанию отношений доминирования. Собственно, конституирование и сохранение таких отношений – область царствования языковой политики.

В теоретических исследованиях языковой политики важное место отводится тем работам, в фокусе внимания которых оказались проблемы языкового равенства, языковых прав и дискриминации по языковым признакам. В 1973 г. Хауген высказался по этой проблеме следующим образом: «Языковое разнообразие – не проблема, пока оно не становится основанием для дискриминации» [10, с. 40]. Двадцать лет спустя Хаймс напомнил нам о «ножницах»,

которые всегда существует между фактическим и потенциальным равенством языков. Он писал: «Хотя все языки потенциально равноправны, на самом деле они таковыми не являются по социальным причинам» [11, с. 2].

Для политиков и администраторов регионального и национального уровней, принимающих решения в многоязычном сообществе, вопрос звучит не просто о развитии языка, а главным образом какие языки конкретно развивать и поддерживать, с какой целью, и как направлять процесс относительно мажоритарного языка.

В эпоху глобализации также отчетливо звучит тревожная мысль о нежизнеспособности некоторых «малых» языков. Синхронный анализ этой проблемы и изучение сложившейся ситуации в разные исторические периоды позволили сделать вывод, что языки исчезают при любом общественном строе. Иногда языки вымирают, потому что просто не остается их реальных носителей. Но чаще это происходит в результате полной языковой ассимиляции.

В США в XX в. исчезли десятки индейских языков, в Австралии к настоящему моменту вымерло около 100 языков и примерно столько же находятся под угрозой исчезновения. Как правило, больше всего под угрозой находятся языки малочисленных этносов. Но такое логичное объяснение подходит не для всех случаев. Так, в том же XX в/ под угрозой полного исчезновения оказались кельтские языки в Великобритании. И хотя языковая политика Соединенного Королевства путем ряда практических мероприятий помогла затормозить этот процесс, вернуть языковую ситуацию в прежнее состояние не удалось. Английский язык де-юре не имеет статуса государственного языка, но де-факто является мажоритарным языком в государстве. Так, в наши дни на территории Шотландии, например, языковая ситуация складывается из трех основных идиомов – английского языка, шотландского гэльского и англо-шотландского. С 1958 г. в школы Шотландии ввели изучение шотландского в качестве учебного предмета, но в основном преподают устную разговорную речь. В 1992 г. Европейская Хартия признала шотландский гэльский и англо-шотландский официально региональными языками и языками национальных меньшинств. Все эти практические шаги свидетельствуют, что в данном регионе проводится определенная языковая политика, нацеленная на возрождение миноритарных языков. Однако эти языки по-прежнему не популярны, и мало кто их употребляет, особенно в городских условиях.

Необходимо отметить, что причины неустойчивости языков могут быть самыми разными. Помимо численности реальных и потенциальных носителей языка, большую роль играют политические и культурные факторы. Причем в равной степени неблагоприятными для устойчивости языков оказываются и культурная близость народов, и слишком большая культурная дистанция между ними. В качестве примера, иллюстрирующего языковую ассимиляцию на основе культурной близости, можно предложить валлийцев и тех же шотландцев. А полярная ситуация сложилась с индейцами в США, которые оказались в состоянии «культурного шока».

Попытки возродить исчезающие языки привели к появлению новой страницы в истории исследований языковой политики, а именно к лингвистической экологии, или эколингвистике (Grenoble & Whaley, 1998; Krauss, 1992; Nettle & Romaine, 2000; Hinton, 2001). Эколингвистика предложила новый способ концептуализации и метафоризации данного отрезка действительности по аналогии с экологией. Часть ученых, поддерживающих эту концепцию, считают, что языки всегда находились и находятся в состоянии естественной эволюционной борьбы за выживание, в которой, как известно, побеждает сильнейший. Такой подход полностью игнорирует роль человеческого фактора и элементы творчества в области языковой политики.

Тем не менее, в это же время появляется серия работ, призывающих обратить особое внимание на роль субъективных факторов в формировании и реализации языковой политики. Сторонники этого подхода пытаются вникнуть в суть проблемы на уровне прагматических значений – целей, мотивов, установок. Такой способ концептуализации действительности определяет его онтологический и гносеологический статусы в категориях смыслов и ценностей.

Если суммировать взгляды этих ученых, то необходимо признать тот факт, что эти новые подходы, которые появились на рубеже третьего тысячелетия, стали богатым источником для вдохновения последующих исследований по интересующей нас проблеме. В приведенных выше концепциях содержится много идей, представляющих для нашей темы методологический арсенал большой эвристической силы.

Литература

1. *Алпатов В. М.* 150 языков и политика: 1917–2000. – М., 2000.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Проект основных положений для решения польского вопроса. – СПб., 1906.
3. *Яковлев Н. Ф.* Проблемы национальной письменности восточных народов СССР // *Новый Восток*. Кн. 10–11. – М., 1925.
4. *Поливанов Е. Д.* Итоги унификационной работы. К проекту Унификационного НТА // *Культура и письменность Востока*. Кн. 1. – Баку, 1928.
5. *Соссиур Ф. де* Труды по языкознанию. – М., 1977.
6. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук*. 1931. – № 1.
7. *Алпатов В. М.* История лингвистических учений: учеб. пособие. – М.: *Studia Philologica*, 1999.

References

1. *Alpatov V. M.* 150 iazykov i politika: 1917–2000. – M., 2000.
2. *Boduen de Kurtene I. A.* Proekt osnovnykh polozhenii dlia resheniia pol'skogo voprosa. – SPb, 1906.
3. *Iakovlev N. F.* Problemy natsional'noi pis'mennosti vostochnykh narodov SSSR // *Novyi Vostok*. Kn. 10–11. – M., 1925.
4. *Polivanov E. D.* Itogi unifikatsionnoi raboty. K proektu Unifikatsionnogo NTA // *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Kn. 1. – Baku, 1928.
5. *Sossiur F. de* Trudy po iazykoznaniiu. – M., 1977.
6. *Iakubinskii L. P.* O dialogicheskoi rechi // *Uchenye zapiski LGU. Seriya filologicheskikh nauk*. 1931. – № 1.
7. *Alpatov V. M.* Istoriia lingvisticheskikh uchenii: ucheb. posobie. – M.: *Studia Philologica*, 1999.

8. *Иванова Д. Н., Донченко Е. Н.* Геополитический анализ языковой ситуации в полиэтническом регионе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 1.
9. *Гидденс Ф.* Основания социологии. – М., 1998.
10. *Haugen E.* The curse of Babel // Language as a human problem / – М., Bloomfield & E. Haugen (eds.). – New York: W. W. Norton, 1973.
11. *Hymes. D.* Preface // Language of inequality / N. Wolfson & J. Manes (eds.) / – Berlin: Mouton, 1992.
8. *Ivanova D. N., Donchenko E. N.* Geopoliticheskii analiz iazykovoi situatsii v polietnicheskom regione // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. – 2011. – № 1.
9. *Giddens F.* Osnovaniia sotsiologii. – М., 1998.
10. *Haugen E.* The curse of Babel // Language as a human problem / M. Bloomfield & E. Haugen (eds.). – New York: W. W. Norton, 1973.
11. *Hymes. D.* Preface // Language of inequality / N. Wolfson & J. Manes (eds.) / – Berlin: Mouton, 1992.